

Сергей Власов

Не входить: рай

Ироническая пьеса в семи картинах

Действующие лица

Адам Силыч Правда, в просторечье Папа — директор рекламной фирмы «Светоч», 70 лет.

Алла — его секретарь, молодая женщина.

Янусов — его первый зам, лет 50-ти.

Межаев — его второй зам, 40 лет.

Сорина — секретарь партбюро, ей под 70.

Князьков, в просторечье Князь — зав. отделом иллюстраций, 65 лет.

Саня — его зам, лет 50-ти.

Лира — зав. редакционным отделом, вечно молодая.

Пухов — литсотрудник ее отдела, около 30-ти лет.

Шамиль — местный поэт, ему за 50.

Роза — председатель парткома, лет 30-ти.

Чернояк — завхоз, лет около 40.

Надя } молодые
Нана } художники-
Эдик } оформители.

Действие происходит в большом городе. Перед занавесом. Неизвестный в черной маске и в черных перчатках крадется, озираясь, достает письмо, опускает в почтовый ящик. Уходит.

Картина первая

Дома у Пухова. Типовая малогабаритная квартира, обставленная весьма скромно. Стена комнаты сплошь уставлена книжными полками.

Межаев (*тщедушного вида, маленький; сидит за столом, быстро пишет, черкает написанное*). Не то, не то! Все не то. (*Думает, снова пишет*.)

Пухов (*красивый, стройный; выходит с чемоданом, поет*).

Сегодня мы строим капризы
и многого хотим достичь,
а завтра случайно с карниза
по черепу трахнет кирпич.

(*Звонит в дверь*.)

Межаев (*открывая*). Наконец-то! А я уж начал психовать. Привет.

Пухов. Здорово, коль не шутишь. Самолет задержали. (*В комнате, разочарованно*.) Ну-у, а где же накрыв? Где икебана?

Федя, я ж люблю красиво, эх... (*Дергает его за помочи, откидывается в кресле*.)

Межаев. Да какой там... икебана! (*Взволнован*.)

Пухов. Нельзя в отпуск спокойно съездить. Чего тут у тебя?

Межаев. Да ладно. Как съездил? Хоть бы пару строк черкнул.

Пухов. Когда! Когда! Это ж не женщина, а преисподняя — только войди, и с концами! О-о, Федя, какая женщина!

Межаев. С устатку не хочешь? А то я припас, три звезды.

Пухов. Нет, я завязал, все! Пора за дело браться... Ну, какие тут у тебя кактаклизмы? Да сядь ты.

Межаев (*ходит; не сразу*). От жены ухожу.

Пухов (*смеется*). У-у, в который раз?

Межаев. Теперь все, окончательно решил.

Пухов. Два... три... четыре. Четыре!

Межаев. Что четыре?

Пухов. Столько раз ты говорил, что окончательно.

Межаев. Я бы, может, и не ушел, если бы Нана не сказала... что я ей нравлюсь, могу понравиться.

Пухов. Нана?! Ну так «нравлюсь» или «могу понравиться»? Неточность формулировок ведет к политическим ошибкам. И когда это она тебе сказала?

Межаев. Третьего дня. Здесь, у тебя.

Пухов (*шутя*). Сволочи! Я не для того

тебе оставлял ключи, чтоб ты тут устраивал бордель.

Межаев. Да я ее пальцем не тронул. Пухов. Человек без чувства юмора — стихийное бедствие... А уж расписывал-то! «Мне надо побыть одному, разобраться в самом себе». Вот и верь после этого людям.

Межаев. А еще... я уйду из нашей конторы.

Пухов. Чего-чего?

Межаев. Но при этом хочу громко хлопнуть дверью. Хватит, устал пресмыкаться. Истосковалась душа по человеческому достоинству...

Пухов. Чего-чего?

Межаев. Да, брат, вот о чем мы забыли — о достоинстве, о чести.

Пухов. Слова не мальчика, но мужа.

Межаев. Завтра подаю заявление об уходе. *(Берет со стола лист.)* Ну а потом уж все ему скажу, подлецу. Всю правду в глаза.

Пухов. Кому? Шефу?

Межаев. Ему, ему, дорогому Папе.

Пухов *(читает листок)*. «Директору рекламной фирмы «Светоч» от второго заместителя директора Межаева Ф. И. Прошу освободить меня от занимаемой должности, так как я бесконечно устал...» Хм!.. «от лжи и лицемерия...» о-о!.. «царящих в нашем коллективе, главным образом по вине директора тов. Правды А. С.». Ого!.. *(Изучает друга.)* Ну, теперь попляшет наш Папа... Кто бы мог подумать, всего три недели назад я слышал от тебя совсем другое. «Я знаю, что я трус и подлец, но я работаю за кусок хлеба, мне семью кормить надо». Чьи слова? Не твой?

Межаев. Всякому терпению приходит конец. Все, кончено! Устал пресмыкаться, покрывать его делишки.

Пухов. Да-а, шерше ля фам! То, что за долгие годы не смогли сделать ни школа, ни институт, ни политсеминары, ни высокое искусство, то всего за пару недель совершила... женщина. Bravo, Нана! Здорово она тебя обработала!

Межаев. Дурак ты, Андрюха! При чем здесь она?

Луч прожектора высвечивает на краю сцены Нану, молодую красивую женщину.

Нана. Федя, ну посуды сам, как можно

тебя полюбить! Ты же мямля, мямля! Ты не способен ни на какой поступок — ни от постылой жены уйти, ни начальству правды сказать. Только все мечтаешь да мечтаешься. Решись хоть на один смелый шаг. Тогда я... может быть... *(Пожимает хрупкими плечами, исчезет.)*

Межаев. При чем здесь она! Я все сам давно решил.

Пухов. Любовь творит чудеса. Старик, тебе памятник поставят.

Межаев. Ага, сразу два... Слушай, давай вместе, а? Двое — это уже сила!.. Молчишь.

Пухов *(отходит к окну)*. Я вот чего не понимаю... Если Папа тридцать лет у власти, неужели никто не знает ему цену? А если знают?.. Вот что самое странное. Он же ворует на глазах у всех. Разве никто не видит, что из нашей фирмы он сделал чековую книжку, с помощью которой расплачивается с теми, кто помогает ему так красиво жить!.. Да, красиво жить не запретишь.

Межаев. А кто-нибудь пробовал? Он тридцать лет хапает безнаказанно, потому что до сих пор против него не выступали сообща. Те, кто выступал, были одиночки.

Пухов. Все-таки врут, что бог есть. Где он, где этот слепец? Нет, счастливая жизнь таких мерзавцев, как Папа, — самое верное доказательство, что бога нет. У своей последней жены, когда уж стало ясно, что она умрет, Папа все кольца с рук снимал. В больнице.

Межаев. Однако, зная все это, плюнуть ему в рожу ты не хочешь.

Пухов *(весело)*. Не-ка, не хочу. Я понять хочу. Я наблюдатель, смотрю и хочу понять — что ж это с нами такое стряслось, что же это за явление такое — гомо сапиенс конца второго тысячелетия. Хочу понять, как же так вышло — то, что раньше считалось постыдным, за что раньше морду били, сегодня вдруг стало чуть ли не образцом поведения. Как, почему хам проснулся в человеке! Межаев. А разве он когда-нибудь спал?

Пухов. Да-а, наш Папуля силен. А знаешь, я ему благодарен: я теперь ничему в этом мире не удивлюсь. Он мои прежние представления с головы на ноги поставил. Я понял, что все мои писания, эти повестишки, этот роман — детский

лепет. Что я знал до него о жизни! Подонок, увенчанный наградами и званиями,— раньше я думал, так не бывает, не может быть... И чтобы столько лет морочить всем голову!

Межаев. Я тоже об этом много думал. Его не трогали, наверное, как ветерана войны.

Пухов (смеется.) Ветеран... С легкой царапиной на ляжке Папа после первого же боя попал в госпиталь и уже на фронт не возвращался. Решил, что писать стихи о войне безопаснее, чем воевать. Зато теперь его воспоминания о своих ратных подвигах выходят пятым изданием. Уметь надо!

Межаев. А пока мы тут философствуем, он продолжает свои делишки. Пухов. Ну ты и забиякой стал, на глазах преобразился.

Межаев. Если ты не хочешь, то придется в соратники брать Чернояка.

Пухов. А это-то каким боком? Любимчик Папы вроде.

Межаев. Был. Пока Папа не отлучил его от кормушки.

Пухов. Как? За что?

Межаев. Не знаю уж, чего там они не поделили, только Папа отказался печатать его повесть.

Пухов. Повесть? Наш завхоз накатап повесть?

Межаев. Давно уж. Пять лет по издательствам валялась. А потом Папа обещал напечатать ее у нас в приложении.

Пухов. Просто так? Не может быть.

Межаев. Нет, конечно. Чернояк уже полгода его дачу ремонтирует.

Пухов. Бедный Чернояк.

Межаев. А он теперь закусил удила и попер на Папу.

Пухов. Бедный Папа. Он же этого Чернояка грудью вскормил. О, как неблагоприятны люди!

Межаев. Ты тут смейся, а я... (Читает свое заявление.)

Пухов. Что ж, валяй. Как тебя после этого полюбит Нана!

Межаев. Иди ты к черту!

Картина вторая

(Играется в темпе аллегро.)

На следующий день. Рекламная фирма «Светоч», весьма солидное заведение. В коридорах — глубокие мягкие кресла,

пальмы и фикусы в деревянных кадках. Стены украшены самодельными плакатами, крупнее прочих этот: «Пусть крепнет наша дружба!» Сейчас действие идет на «филодроме» — так называют здесь широкое полукружие коридора, куда выходит несколько дверей и где собираются покурить, поболтать, обменяться новостями. Сотрудники снуют туда-сюда через «филодром» с гранками, фотографиями, макетными листами.

Шамиль (курит у окна). Курьеры, курьеры, тридцать пять тысяч одних курьеров. Алла (крепит к стенке листок). Ребята, овощной заказ!

Около списка продуктов толпа, которая вскоре расходится.

Лира (ее можно было бы назвать привлекательной, если бы не манера держаться: все тело ее вихляется и извивается, будто она хочет проскользнуть через невидимую щель). Ой, ананасики... Чернослив!

Саня (обладатель непомерно большого живота). А где икра?

Чернояк (поджарый, спортивного вида). Обидели маленького. Овощной! Неграмотный, что ли?

Сорина (седая дама, выкрашена под блондинку с явным фиолетовым отливом). Опять огурцы парниковые. А при моем панкреатите, а!.. (Отходит.)

Лира (догнав ее). Верочка Павловна, здрасте. (Целует ее.)

Сорина. А, Лира... Голова идет кругом, работы полное горло, тыща дел, тыща дел. Я сегодня пришла раньше всех. Я люблю приходить на работу пораньше. Так много успеваешь сделать, когда никого нет, никто не мешает. И потом ты же знаешь, работа для меня — второй дом, если не первый.

Лира. Я вам так благодарна, Вера Павловна.

Сорина. За что, Лира?

Лира. За вашу доброту. Я так одинока, а люди так безразличны, а вы только одна...

Сорина. Да что ты, милая моя! (Обнимает ее.)

Лира. Я так одинока... Первого мая все собрались своими компаниями, а про меня никто не вспомнил, только вы одна... пригтели.

Сорина. Ну, когда это было-то! Да, я вышла в коридор, все по кабинетам разошлись, а ты мечешься между дверей, туда заглянешь, сюда — никто тебя не приглашает. А сама зайти не хочешь — гордая, ох, эта наша гордость! От нее все беды. И так мне тебя жалко стало...

Лира. Спасибо вам за вашу доброту. У нас много достойных людей, но вас я особенно уважаю.

Сорина. И есть за что. Я прожила трудную жизнь. Сколько я перестрадала! Во время войны голодала, чуть не умерла. Родила троих. А теперь дети мои между собой... Эх, кровные враги лучше живут... Как меня жизнь ломала! Одному богу известно. И все-таки я счастлива, что жила так трудно. Я все испытала, эх, Лирочка, я благодарю судьбу, что жила интересно, ярко, не жалея себя. Не хлебнешь горького, не попробуешь сладкого. Я знаю силу головокружительной любви. Во мне был какой-то магнетизм, мужики просто бросались мне на шею. Но ты знаешь, с людьми нынче что-то такое творится... Где доброта? Где порядочность? Я так боюсь за людей, за человечество. Это главное мое беспокойство. Да, ты слыхала новость? *(Тише.)* Федор Иваныч вчера дома не ночевал. Говорят, у него роман с Наной.

Лира. Ах, как интересно!

Сорина. Ну, я побежала. Тыща дел, тыща дел. *(Уходит.)*

Князь *(вальжный, развязно-артистичный, выходит с макетным листом)*. Ну как макетик?

Лира. Ах, какая красота!

Князь. Слова народные, сумма прописью. А, годится?

Лира. Очень, очень, Эдуард Семеныч.

Князь. Исайя, ликуй!

Лира. А вы слышали, наш-то Федор Иваныч, тихоня эдакая, третий день дома не ночует.

Князь *(строго)*. Лира! Я тебе всегда говорил: интеллигентные женщины сплетен не повторяют...

Лира. А я...

Князь. ...они их сами выдумывают...*

* Остроумие Князя краденое: он иногда сыплет «фразами» на публикаций отдела юмора «Литгазеты». За что, кстати, приношу ей свою благодарность. — автор.

О чем разговор — дело житейское, с кем не бывает. *(Махнув рукой, уходит.)*

Лира *(кому-то за кулисы)*. Ой, а ты слышала, Межаев уже целую неделю... *(Поспешно уходит.)*

Шамиль *(смотрит в окно)*. Да, высокова-то у нас тут. Люди внизу ма-аленькие... Эх, ребята, куда у нас только уважение друг к другу подевалось! Никто ни с кем не здоровается. Помню, сразу после войны мой отец, хоть он и инженером был, а с дворником Игнатом раскланивался, чай приглашал его пить. Сидели за столом, обсуждали что-то, инженер и дворник. Люди были, люди! А теперь!.. Надя *(озорная, ироничная, симпатичная)*. Раньше все лучше было. Эдик *(простоватый молодой человек, входя с рисунками в кабинет Князя)*. Пойду покажу.

Шамиль. Нет, серьезно, что-то с людьми стало. А я вам скажу — заелись. Русско-му человеку нельзя так много есть. Чернояк. Сказал татарин.

Шамиль. Да, у человека от желудка прямая связь с головой. Коли сыт — пиши пропало. В пузе густо, в голове пусто. Надя. Сытый человек — неполноценный человек.

Саня. Ну вот, развели мерлехлюндю. А я люблю поесть.

Чернояк. Оно и видно. *(Гладит его по пузу.)* Знатный животик.

Саня. То, что выше ремня, это грудь. Голос Князя. А я тебе говорю: пшел вон!

Открывается дверь, из нее пятится Эдик, на него наступают Князь.

Эдик. Вы не имеете права!

Князь. А я тебе говорю: пшел вон!

Эдик. По какому праву?

Князь. А просто так. *(Смеется.)*

Эдик. Я буду жаловаться, теперь не те времена.

Князь. Много шума, а шерсти мало, сказал черт, остригая кошку.

Эдик. И не смейте мне тыкать.

Князь. Ладно, не сучи ногами! Саня! Саня *(чуть подпрыгнув)*. Да! Я, Эдуард Семеныч.

Князь. Ты мне зам или нет?

Саня. Зам, Эдуардсеменыч.

Князь. Тогда огради меня от визитов этих молодых... новаторов. Оне, видишь ли, свое мнение имеют-с. Имеешь,

так держи при себе, пока не спросят. Вот за что люблю Саню! *(Хлопает его по плечу.)* Никогда со своим мнением не лезет, хотя наверняка имеет его. Имеешь, Саня?

Саня. А как же!

Князь. Вот что значит умный человек! *(Эдику.)* А ты?..

Саня. Чья школа, Эдуардсемч! Кабы не вы...

Князь *(Эдику)*. Вот, учись! *(Уходит к себе в кабинет.)*

Эдик *(тихо и убежденно)*. Я его зарежу.

Чернояк. Давно пора. Страшный человек.

Саня. А что, мужики, мне тут случай рассказали. Начальник своему подчиненному так насолил, что тот записался к нему на прием, зашел и отпилел ему голову.

Чернояк. Чем?

Саня. Бензопилой «Дружба».

Надя. Пусть крепнет наша дружба.

Саня. Отрезал, положил на стол и вышел.

Эдик. С этим камом надо что-то делать.

Чернояк. Проучить его надо.

Эдик. А что, зайдём в кабинет, затынем шарф на шее, пусть похрипит.

Надя. Фи, как неинтеллигентно!

Шамиль. Чего ты с ним сцепился?

Эдик. Да вот. *(Показывает.)* Принес молодой парень, отлично рисует.

Чернояк *(поспешно)*. Отлично, талантливо!

Надя. Необходимое, но недостаточное условие.

Чернояк. Ты разве не знаешь, что надо, чтобы Князь *(кивает на дверь)* подписал к печати?

Саня *(строго)*. Ладно вам!

Чернояк. Вот если бы твой молодой автор был красивой девушкой, да к тому же покладистой, или имел бы большую лапу...

Саня. Я ж говорю, хватит!

Чернояк. А что, может, я тайну раскрываю?

Князь *(выходя)*. Ну вот, дюшес Небезида, испортил настроение. Как поправишь... А, Саня? *(Отводит его в сторону.)*

Не боги горшки обжигают.

Саня. Не-е, Эдуардсемч, мне срочно в типографию надо.

Князь *(тихо)*. Так минутное же дело. До угла и обратно. Знаешь, что отличает

хорошего работника? Быстрота и молодцеватость исполнения.

Саня. Бегу. *(Неуклюже убегает.)*

Князь *(похлопывая Эдика по плечу)*. Поменьше пены, мой друг, поменьше пены! Ты, кстати, очень подходишь к своему галстуку.

Чернояк. Посмотреть со стороны — отрыжка средневековья. Что вы нам тут насаждаете давно отжившие номера?

Князь. Насаждаю? Номера? *(Делает гримасу.)*

Чернояк *(наступает на него)*. Да, цирковые. Фокусы разные. За спиной гадости устраиваете. О человеческом достоинстве забыли!

Князь. Люди, что с вами! Умираю... Кто нынче заговорил о достоинстве! Вчера только с ветки спрыгнул, а уже... Ой-ой-ой! *(Картинно удаляется.)*

Чернояк *(воинственно)*. У-у, цепной пес.

Шамиль. Хорошо дрессированный.

Эдик. Кем?

Шамиль. Все-то тебе скажи. *(Чернояку.)* Чего ты на него так?

Чернояк. Он Папу подговорил мою повесть не печатать.

Шамиль. Это тебе кто сказал?

Чернояк. Сам Папа.

Шамиль смеется, хочет что-то сказать, но не успевает.

Эдик *(громко шепчет)*. Папа...

По коридору чинно идет Папа. Он мил, даже очарователен. Само обаяние. Чуть сзади него семенит Роза, ярко накрашенная, с большими глазами.

Папа *(тихо)*. Знали бы вы, Розочка, как я одинок! Как последний глаз у идущего к слепым человека. Заходите, заглядывайте, навещайте меня. *(Оставляет ее. Громко.)* А я думал, рабочий день уже начался.

Все почтительно с ним здороваются, кроме Чернояка, отвернувшегося к окну.

Шамиль. Давно начался, Адам Силыч. Надя. Вы же видите, горим в творческом порыве.

Папа. Горят, все горят, но я что-то ни разу не видел пепла человека, сгоревшего на работе.

Шамиль. Производственные проблемы обсуждаем.

Папа. Какие же, например?

Шамиль. Качество, качество.

Папа. Похвально. Качество работы мы должны поставить сегодня во главу угла. Но дисциплину тоже не забывайте. Газеты читаете? То-то. Рабочее время — работе! Пора нам взяться за дисциплину.

Шамиль (*тихо*). Народная примета: как только у Папы заводится новая пассия, так он берется наводить дисциплину. (*Уходит.*)

Князь (*выскочив из кабинета*). Я милого по походке узнаю. Мое нижайшее. (*Артистически кланяется.*)

Роза. Добрый день, Эдуард Семенович.

Князь не замечает ее.

Папа (*кивает ему*). Зайди, ты мне нужен.

Князь. Бальзам на раны. (*Идет за ним.*)

Папа (*Князю, негромко*). Да, ты прав был, нельзя сейчас печатать эту Колькину повесть. Пойдут разговоры...

Князь. Какую повесть?

Папа. Ах да, ты еще не знаешь, ну иди, подожди меня в моем кабинете. (*Когда тот уходит.*) Коля! (*По-отечески обнимает Чернояка, отводит его в сторону.*)

Ну хватит дуться, да пойми ты, Эдуард Семеныч прав — нельзя сейчас твою повесть печатать. Все знают про ремонт дачи... Ну погоди чуток, дорогой мой, ну! Не дуйся, не держи зла, я ли тебе не отец родной?! Ну вот и ладно. (*Отпускает его, уходит.*)

Роза. Ой, ребята, меня сегодня Папа на машине от самого дома подвез. Сам утром позвонил: Розочка, я буду в десять мимо вас проезжать... Ой, так здорово, на черной «Волге», шик!

Чернояк. Из грязи в князи. (*Уходит.*)

Роза. Ой, сама не верю, простая машинистка и нате вам. С самим Адамом Силычем...

Надя. Ты ж у нас профсоюзный лидер.

Роза. Ой, без году неделя... Ну, напечатала я ему пару раз его стихи, так вроде отблагодарил уже, вот кофточку подарил. (*Красуется.*)

Надя. О, фирма. Только она тебе не идет.

Роза (*сконфуженно*). Правда?

Князь (*вбегая*). Мадам, целую следы ваших ног! (*Целует Розе руку.*) Как же я раньше-то, слепец, не замечал такой красоты!..

Роза (*не в меру смущена*). Да что вы, Эдуард Семеныч!

Князь. Велено ваш портрет заказать, срочно, экстренно и у самого лучшего мастера. Прошу. (*Приглашает ее в кабинет.*) Тропинин вас устроит? Нет, лучше Рокотов! (*Уводит ее, обняв за талию.*) Надя. Та-ак, влюбился, старый хрыч. Но зачем ему портрет?

Саня (*вбегая*). Опля! (*Подбрасывает бутылку водки.*)

Надя. Не спеши, они заняты-с.

Саня. Это никогда не помешает. (*Входит к Князю.*)

Шамиль (*входя, несет листок*). Ну вот, заработал свои рубль тридцать. Отшил очередного графомана. Один стишок взял, правда, себе на память, во, слушайте. (*Читает.*)

Письмо отправлено,

Его я выстрадал!

Любовь отравой

Назвал — как выстрелил.

А сердце пробито

Стрелой подлою.

И счастье выпито,

Как пиво с воблюю.

Надя. Гениально. Скорее в набор. А что? Разве мы печатаем лучше?

Шамиль. Эх, надоело!

Надя. Ладно тебе! Где ты еще такую работу найдешь — целый день бей баклуши да при этом две сотни получай.

Эдик. Ага, и еще удивляемся, почему на этом загнивающем Западе безработица.

Межаев (*входя*). Всем привет!

Эдик. Федор Иваныч, я к вам, по серьезному делу.

Межаев. Пошли.

Эдик (*на ходу*). Нет сил больше терпеть это хамство!

Князь. Ну, никакого понимания! (*Выводит за шиворот Саню.*) Как можно! В рабочее время! (*Сане, тихо.*) Кто так делает? У всех на виду? (*Громко.*) Все слышали? А то распускают тут слухи, будто я в рабочее время пью. Федору Иванычу мое почтение! (*Кланяется. Уходит к себе.*)

Эдик (*Межаеву*). Вот о нем я как раз и хотел.

Межаев (*на ходу*). Когда я сюда пришел десять лет назад, мне сказали: хочешь здесь работать, не ссорься с Князем. И я заповедь эту свято чтил... Правда, потом понял, что это напрасные потуги. Не в нем дело.

Эдик. А в ком же!

Межаев, махнув рукой, уходит. Эдик за ним.

Шамиль (*Сане*). Охота тебе это терпеть. Шел бы куда-нибудь.

Саня. Куда? Думаешь, я не знаю себе цену? Кто меня возьмет?

Шамиль. Это он (*кивает в сторону Князя*) тебе внушил. Ему это выгодно: якобы оказывает тебе благодеяние, что держит на такой должности, а взамен требует...

Саня. Да нет! Ну на что я гожусь!

Надя. Ты же рисовал хорошо.

Саня. Когда это было! И сколько таких, как я! Без связей в наше время в люди не выйдешь.

Надя. Не говори пошлостей! Ты — талант, я твои картины видела.

Шамиль. А проданся за понюх табаку.

Саня. Старик, у меня двое детей.

Надя. Старо как мир. И пошло!

Саня. Ты не знаешь, что такое полтора года не получать ни копейки и когда у тебя на шею семья.

Надя. Потерпел бы еще немного, может, и заметили бы.

Саня. Вот Князь меня и заметил. И я ему благодарен. Я мещанин, да, и этим горжусь.

Шамиль. Мы только мошки, мы ждем кормежки.

Саня. Ладно, а сам-то! Не ты, что ли, стихи за Папу пишешь?.. За сколько ты ему проданся? За строчку много получаешь?

Шамиль. Потихе ты!

Саня. То-то. А ведь сам бы мог.

Шамиль. Кто бы меня печатал. Имя надо иметь. Имя. Как у Папы.

Саня. Ладно уж. Чего душу теребить. Надя, кто бы взялся описать, как мы тут живем!

Шамиль. Да уж описано давно. (*Уходит.*)

Князь (*выходит вместе с Розой, уже не столь смущенной*). Я обеими руками за красоту! За красоту во всем! Прежде всего — в отношениях между людьми. Это только кажется, что я груб. Это от полноты чувств, от широты души. Кто душой широк и чист, тот не стесняется свой характер показывать. А подлец — он с тобой втихую, а за спиной, эх!

Ребята, давайте говорить друг другу комплименты, а?

Надя. Что это у нас Эдуард Семеныч сегодня?..

Князь. А я всегда, Надюха, говорил, ты не дашь соврать, что мир спасет красота! (*Показывает на зардевшуюся Розу, уводит ее с собой.*)

Пухов (*выходит вместе с Наной*).

Слушай, сегодня дождь.

Нана. Ну и что?

Пухов. Да то, что вам с Федором под ним бродить. Давайте вечером ко мне. Надьку позову, посидим.

Нана. Андрюля, ты прелесть!

Пухов. Да, это есть во мне. Только без... выпивона. (*Подходит к Наде.*)

Я тебя поздравляю.

Надя. С чем же?

Пухов. Как! Такое радостное событие — встреча со мной.

Межаев (*проходя мимо*). Вот трое, кого мне видеть приятнее всех. (*Уходит.*)

Надя. Пойдем посплетничаем. (*Уводит Нану.*)

Лира (*входя*). О, Андрюша, вы слышали, Межаев-то, наш тихоня, две недели дома не ночует.

Пухов. Ну и что! Где, с кем ночевать — это личное дело каждого.

Лира. А вот с кем, вы еще не знаете. (*Оглядывается.*) С Наной. Она его от жены и увела. Говорят, за ней и раньше такое подмечали — к начальникам излишнюю любовь.

Пухов. Ну вот что... я вас очень прошу, не трогайте Нану. Мы тут люди закаленные, а она у нас недавно, не привыкла еще, дайте ей пройти карантин. И вообще, я вам давно собирался сказать, перестаньте вы пачкать хороших людей.

Лира. Как вы смеете!

Пухов. В жизни и так хватает грязи, без ваших сплетен.

Лира. Вы забываете, я женщина, я старше вас, я ваша начальница, в конце концов...

Пухов. К сожалению... У вас под началом я работаю уже семь лет, и все эти годы терпел ваши... сплетни, когда они касались меня. А теперь, я вижу, вы хотите испортить жизнь порядочной женщине...

Лира. Да о чем вы говорите!

Пухов. Я вас очень прошу, оставьте ее в покое! (*Уходит.*)

Лира. Какая наглость! Вы только подумайте, какая наглость! Нет, я это так не оставлю. Не-ет, надо что-то делать.

В кабинете Папы. Два стола стоят буквой Т: письменный, за которым сейчас сидит Папа, и стол для заседаний. В углу — шкаф, за его стеклами видны сувениры: чаши, блюда, вазы, монтажные пояс и каска, макет комбайна, шашка в ножнах и пр.

Алла (ставит Папе на стол тарелку каши, только что приготовленной ею на электроплитке). Ну как ваша язва? Папа. Вы мою жену имеете в виду? (Пробует кашу.)

Алла. Да что вы, Адам Силыч! Папа. Вкусно. Эх, Валечка, знали бы вы, как я устал от одиночества среди чужих людей! Я одинок, как последний глаз идущего к слепым человека...

Алла. Адам Силыч, вообще-то меня зовут... Алла.

Папа. Ах простите, Аллочка! Вот ведь голова! Привык к прежней секретарше. Да и старость. Все-таки как странно: годы уходят, а возраст прибавляется... (Ест кашу.) Вкусно. А что, может, и верно, на покой мне пора, а?

Алла. Да что вы, Адам Силыч! Как же мы без вас!

Папа. Ну уж! Все небось только и ждут, когда я на пенсию, а?

Алла. Да что вы, Адам Силыч! Я не представляю просто, как это без вас тут можно. Я сюда девчонкой пришла, вы меня приняли, как отец родной.

Папа. Ты сперва в фотоотделе работала.

Алла. Нет, машинисткой...

Папа. А, да-да, помню. (Ест кашу.) А что, любил меня народ?

Алла. Души не чаёт. Жизни без вас никто не представляет.

Папа. И я, признаюсь, тоже. Без родного коллектива... нет, не смогу! А что ж, однако, меня не любить? Разве я не даю своим людям жить хорошо? Пиши, рисуй, снимай — сколько хочешь. И все равно недовольные есть, есть!.. Что там у нас новенького? Кто? что? кому? почему?

Алла (простодушно). А я и не знаю, Адам Силыч.

Папа. Напрасно. Вы должны быть в курсе всех событий и без утайки докладывать мне. Нам с Валею потому и пришлось расстаться, что больно уж в этом деле

она была... нерасторопна. Ну спасибо, Аллочка, очень вкусно. Вот, дожил — кашу жена сварить не может.

Алла. Зато молодая.

Папа. Э-эх!.. Ну пора за дела. Позовите первого зама.

Алла. Хорошо, Адам Силыч. (Уходит.)

Папа (набирает номер; елеиным голосом). Алло, Ерофей Палыч?.. Давненько я не слышал вашего зычного голоса. Не балуете что-то своим вниманием, а у нас ведь юбилей скоро... Да, вот я как раз и хотел узнать, ничего там у вас не слышно насчет моей Звезды... к юбилею? (Слушает.) Ну конечно, конечно, а как же! Мы отлично понимаем, какой важнейший этап наступил в жизни страны. Мы решительно начали избавляться от того, что отжило свой век. (Слушает.) Ну, само собой, с пьянством — в первую очередь! Так что на Звезду Героя имею основания надеяться... Ну, супруге от меня нижайший поклон. Всего наилучшего вам. (Кладет трубку.) Что-то он прохладно со мной, прохладно. (Набирает номер.) Алло!

Юра? Здравствуй, дорогой. Ты сам понимаешь, что меня больше всего сейчас волнует... Не решали еще? А чего тянуть?.. Ну ты ведь завтра с Ерофеем Палычем в президиуме будешь сидеть, так замолви уж словечко, ты уж там похлопочи. Если к моему семидесятилетью забыли, так, может, к нашему юбилею дадут, а?.. А про твой роман я, дорогой, помню! Как раз вчера дал распоряжение его срочно печатать... Да! Мы ж свои люди! Ну заходи, всегда рад. Янусов (входя). Звали, Адам Силыч? Папа (угрюмо). Звал, что новенького? Кто? что? кому? почему?

Янусов. Все о'кей. Только вот... насчет романа этого вашего Юрия Переби... Фу ты, не выговоришь! Вы засылать в набор велели, а ведь его никто не читал. Папа. Ну и что?

Янусов. Так графоман же известный.

Папа. Зато где сидит!

Янусов. Я так больше не могу. Не стану подписывать.

Папа. Ну ладно... Я слышал, что ты рассказываешь, будто мне предложили на пенсию собираться.

Янусов. Какая чушь! Глупость! Вы же знаете, Адам Силыч, что я без вас не мыслю своего...

Папа. Вот я и удивился, когда услышал.

Янусов. От кого? От кого?!

Папа (*не сразу*). От Межаева.

Янусов. От Феды? Ну, погоди, Федя!

Папа. Да ладно, ладно тебе! Меня-то в глупое положение не ставь. Знаешь и помалкивай. Забыли... Тут до меня доходит, что люди у нас пьют в рабочее время. Почему не боретесь?

Янусов. Да мы боремся.

Папа. Плохо, значит, боретесь. Разве ты не видишь, какое огромное внимание этому вопросу уделяется.

Янусов. Понятно, только уж народ больно распустился.

Папа. Ты за весь народ не говори. Ты на себя оборотись.

Янусов. А я-то что? Я месяц в рот не брал.

Папа. Ага, скажи еще, год! А кто в машбюро третьего дня пьянствовал?.. Молодежь растлеваешь? Выговор!

Янусов. Адам Силыч, побойся бога!

Папа. Строгий выговор! Иди.

Янусов. Адам Силыч, эдак... У меня ведь тогда третий подряд будет.

Папа. А я помню. Выходит... увольнение?

Янусов. Ну не знаю, ну... Как просить?.. Ну, каюсь.

Папа. То-то. Ладно уж, смотри мне. Я ли тебе не отец родной? И не забудь Юрин роман поскорее в набор послать.

Янусов. Ладно. (*Выходит.*)

В приемной.

Алла (*в телефон*). Гараж? Адам Силыч просил машину к нему на дачу. Его супруга поедет в город... Да, через полчаса.

Янусов (*проходя мимо Аллы*). Толстая сволочь.

Алла (*ему вдогонку*). Это вы о ком? (*Идет в кабинет.*) Адам Силыч, Янусов, выйдя от вас, такое сказал...

Папа. Ну-ну, смелее, девочка, смелее.

Алла. Он сказал... толстая сволочь.

Папа. Нда?.. Ну-ка, позовите его.

Алла (*испуганно*). Позвать?.. Сей-час. (*Уходит.*)

«Филодром». Янусов ходит, нервно покусывая пальцы.

Межаев (*входя*). Чего как тигр в клетке?

Янусов. Да надоело! Устроил из редакции кормушку.

Межаев. А, ты об отце родном. Ты это на собрании скажи.

Янусов. Ага, непременно! Двое сказали, как сейчас помню.

Алла входит, стоит в нерешительности.

Межаев. Но они выступали в одиночку, а если вместе?

Янусов. Ну да, пролетарии всех стран, соединяйтесь. Знал бы ты, как надоело эту дрянь посылать в набор!

Алла (*заикаясь*). Виктор Николаевич, вас Папа просит.

Янусов. Ну вот, опять. (*Уходит, Алла за ним.*)

Нана (*входя*). Федя, ты слышал?.. (*Не годует.*)

Межаев. Что?

Нана. Какие слухи Лира про нас с тобой распускает.

Межаев. Собака лает, ветер носит.

Нана. Нет, я так не могу! Бежать, бежать отсюда! Ну что я ей такого делала! За что, за что она на меня?.. И ты хочешь изобразить, что ничего не случилось?

Межаев. Что ж, мне ее на дуэль вызывать? Будь она мужиком...

Нана (*с сарказмом*). Что бы ты сделал тогда, а?.. То-то. Устала я. Мямля ты и есть мямля.

Межаев. Ну что ты от меня хочешь?

Нана. Я? От тебя? Я не хочу этих сплетен, этой грязи...

Межаев. А я, думаешь, кочу? Я вообще третий день не сплю.

Нана. Ты — мужик!.. Какой ты, впрочем... (*Отворачивается.*)

Межаев. Ладно, я сегодня... Я тоже так больше не могу. Сегодня же вечером... уйду из дома. Сегодня все и решится. И дома и здесь. И Лире я скажу, да, скажу!

Нана. А что здесь должно решиться?

Межаев. Слушай, а что если я отсюда уйду?

Нана. Из этой клоаки? Чем скорее, тем лучше.

Межаев. Да, так все и решим! Хватит. Сегодня вечером...

Нана. Вечером ведь мы у Андрея.

Межаев. Вот там меня и жди... с чемоданом. Все одним махом!

Нана. Вот такой ты мне нравишься.

(Идет. Обернувшись.) Вот такого я бы могла полюбить. (Уходит.)

Межаев (один). Да, сегодня мой день. Семь бед — один ответ!

Роза (входит, деловито). Феденька, ой, простите, Федор Иванович. Мне Папа поручил концерт подготовить к нашему юбилею. Я знаю, вы... поете.

Межаев. Ага, еще как!

Роза. Ну вот и отлично. Я записываю... Соло?

Межаев (задумчиво). К сожалению... соло.

Роза. Ну, я побежала. Тыща дел с этим юбилеем. (Уходит.)

Лира (вбегая). Ой, Феденька, ты слышал?.. (Опомнившись.) Что это я?

Межаев (решительно). Послушай, Лира! Ты... (Запнулся.) Ты... ты, когда сдаешь материал, ты его читаешь?

Лира. А как же!

Межаев. И это ты читала? (Показывает пальцем место в рукописи.) «Добавьте мелко истолченный мускатный орех...».

Лира. Да, «...это придаст блюду специфический вкус». А что?

Межаев. Где ты его видела, мускатный орех?

Лира. Ну... в магазине.

Межаев. А ты давно там была?

Лира. Мм... А мне наших заказов хватает.

Межаев. Ну короче, вырubi это место и найди что-нибудь...

Лира. К твоему сведению, это уже читал Папа и одобрил.

Межаев. Я засылать эту туфту не стану.

Лира. Ах вон ты как!.. Пошли к Папе. (Тащит его за рукав.)

Они уходят.

В кабинете Папы.

Папа (один, задумчиво). Дадут или не дадут, вот ведь вопрос... Что ж, умереть, уснуть, так и не получив награды столь желанной? О, сколько сил потрачено! Впустую? Как было б жаль! Не угодишь им никогда, сколько ни лезь из кожи... Заслуг как будто мало! Поэт, автор десятка книг, ветеран войны, тридцать лет протираю это кресло, поднял тираж в четыре раза! И всем моим безропотным заслугам вот ничтожная награда — всего лишь ордена. Конечно, врагов довольно у меня. Будь их даже втрое меньше, и тогда бы слишком много было.

А эти двое... Особливо Рыжий, о... Кабы не его письмо туда (показывает вверх), давно бы Звезду свою уж получил... Сам виноват, мерзавца в тихоне этом не разглядел. А ведь из грязи вытащил его своею же рукой и сделал человеком, а он мою же руку — цап! Вот природа людская! О люди, что с вами?!

Янусов (входя). Звали, Адам Силыч? Папа (долго его изучает). Звал... Сколько мы уже вместе работаем?

Янусов (недоумеая). Шестнадцать... даже семнадцать.

Папа. Нда, как люди меняются... Ты, помню, совсем мальчишкой ко мне пришел. Мне твоя мать говорила, что ты у нас работать не станешь, больно уж зло ругал наше издание. Слова всякие непотребные: мракобесы, печатают серятину... Янусов. Кто? Я это говорил?

Папа. Ты, Витюша, ты. Ну хорошо, что ты теперь этого уже не говоришь. Много понял, поумнел. Не зря, видно, я тебя на свое место прочу, сынок... Опыт в нашем деле — главное... Что это я расстроился, я же вот статейку тебе отдать забыл, надо срочно тиснуть.

Янусов (читает фамилию автора, морщится). О-о, опять. Пишет уж очень плохо.

Папа. Зато где сидит! На то ты и редактор, чтоб поправить.

Лира (входя вместе с Межаевым). Адам Силыч, вот одобренный вами текст, а Федор Иваныч...

Папа. Ну что там еще? (Берет статью.)

Лира. Вот здесь ему не нравится. (Показывает.)

Папа (читает). «Добавьте мелко истолченный мускатный орех...». Ну и что? Мне нравится, очень вкусно.

Межаев. А где вы видели мускатный орех?

Папа. Хм, в магазине... Разве нет? Странно... Ну, кому надо, тот найдет. Печатать, печатать, сейчас не до этих мелочей. Вы же видите, какой важнейший момент в жизни страны. И мы должны быть на уровне велений времени, нам сейчас решительная перестройка нужна, друзья мои. И кто не сумеет перестроиться, того придется вежливо попросить. Ну, за работу, дел у нас много, за работу! (Межаеву, когда Лира и Янусов выходят.) Ну, какие новости? Кто? что? кому? почему?

Межаев (*пожимает плечами, мнется*).

Я тут... (*Достает свое заявление.*)

Папа. Я тебя хотел спросить... зачем ты рассказываешь, будто мне на пенсию предложили уйти?

Межаев (*ошеломленно*). Я?! Я?! Кто это... сказал?

Папа (*не сразу*). Янусов.

Межаев. Ну Витя, ну подлец!

Папа. Да ладно уж, я прощаю, прощаю. Только, что вы все так спешите выдавать желаемое за действительное?.. Ты уж ему не говори, а то я-то в каком положении окажусь.

Межаев (*решительно*). Адам Силыч!.. Я тут вот... (*Запнулся.*)

Папа. Хороший ты, видно, человек, только уж робкий больно. Ты смелее, смелее! А то ведь я тебя на свое место прочу. Молодежь надо выдвигать!

Межаев. Да что вы, Адам Силыч! (*Прячет заявление.*)

Папа. Да, все от тебя зависит, как служить будешь.

Межаев (*взволнован*). Мне там... Меня автор... ждет. (*Выходит.*)

В приемной. Межаев расстегивает ворот, переводит дыхание.

Пухов (*входит*). Ну как?

Межаев (*тихо*). Он на меня, как удав на кролика действует.

Лира (*заглядывает в дверь*). Ага, да у них... заговор. (*Уходит.*)

«Филодром».

Роза (*со списком в руках*). Ну ладно, хватит препираться! Чтобы все дали на концерт по одному номеру!

Шамиль. Я дрессированного крокодила приведу.

Надя. Здесь такого добра хватает.

Роза. Как хотите, а чтобы все у меня выступили.

Надя. У тебя?

Роза. Ну, у нас.

Саня (*подходя к ним, весело*). Слыхали, новый заговор. Лира объявляет всеобщую мобилизацию на борьбу с заговорщиками.

Шамиль. Опять? Дважды Лира уже раскрывала заговоры.

Саня. Трижды.

Эдик. Почему я, как всегда, ничего не знаю?

Картина третья

Вечер того же дня. Дома у Пухова. Пухов, Надя и Нана ожидают прихода Межаева.

Пухов. Мы вот все Папу чествуем: пять жен, пять жен, а ты знаешь, почему у Дон Жуана было столько женщин?.. Человек искал... Идеал. Искал и не мог найти.

Надя (*смеется*). Сравнил божий дар с яичницей.

Пухов. Нет, Папа для меня загадка. Надя. Да брось ты, элементарный мерзавец.

Пухов. Думаешь?.. Эх, кто бы мне еще, кроме него, дал такой богатейший материал для романа! Я теперь живу с ощущением, что знаю о жизни все. (*Идет на кухню.*)

Надя. Тебе легче. (*Идет за ним.*)

Нана (*чистит картошку*). А в следующий раз я вам испеку пирог с капустой! Я его только для самых близких людей пеку.

Пухов. Ну что, девы, икру доставать или крабы? Или то и другое?

Надя. Гулять так гулять!

Нана. Меня Федор все-таки удивляет: на него грязь льют, а он...

Пухов. Принимать людей такими, как они есть — это всего лишь мудрость. А вот любовь... любовь — хотеть их такими.

Нана. Да кто тебе сказал, что я его люблю? Мне просто его жаль. Эту жалость он за любовь и принял.

Надя. Да, глупая бабья жалость — вот что нас губит.

Пухов. Его беда в том, что он никогда не любил, а только хотел, очень хотел. И вот теперь готов бросить все на свете — дом, семью, работу. Да, не зря говорят, что любовь изгоняет страх. Тот, кто боится, не любит.

Надя (*Нане*). Ну куда ты столько картошки!

Нина. Столько мне дал Андрюша.

Надя. Ладно, с голоду перестанем пухнуть. Ты воду солил?

Пухов (*наставительно*). Воду солят за пять минут до готовности. Наука!

Нана. Если мужчина не влюбился до сорока лет, то ему лучше и совсем уж не влюбляться... (*Пухову*). А ты меня презираешь, да?

Пу х о в. За что?!

На н а. Ну как же, я у твоего друга семью разбила.

На д я. С ума-то не сходи. Он же сам!

На н а. Не-ет, если бы я его не обнадежила... Эх, а теперь и не знаю, что будет. Боюсь я.

На д я. Ладно тебе! Любим мы возводить в драму обычную ситуацию.

Пу х о в. Ситуёвину... А что, Надюха права: банально.

На д я. Вот я выйду на улицу и расскажу первому встречному о твоей драме.

Что он скажет? Старо как мир... А все-таки признайся, ведь приятно, когда начальник у твоих ног, а ты снисходительно принимаешь его поклонение.

Пу х о в. Еще кто-то из великих заметил, что если женщина и ждет поклонения, то она ждет его, как паук муху.

На н а. И хоть бы чего-нибудь у нас было, а то ведь...

Пу х о в *(накрывает на стол)*. Обидно.

На н а. Еще как обидно-то, Андрюша!

На д я. Ребята, по такому поводу надо все-таки слегка, а?

Пу х о в. Никогда.

На д я. Зануда... Чеснок в салат класть?

На н а. Клади.

Пу х о в. Да, бедный наш Ромео! Его пример лишний раз доказывает, что брак — это как осажденная крепость: те, кто внутри, хотят из нее выбраться, те, кто снаружи, хотят в нее ворваться.

На н а. Я его сто раз просила не уходить из семьи.

На д я. Да пусть он сам решает. Раз говорит, что ушел не из-за тебя, а сам по себе...

Пу х о в. Ну да, не из-за нее! Мужик из семьи просто так, в никуда, не уходит. Он уходит к кому-то.

На н а. Да, это точно.

На д я. Если бы вы знали, какой он домашний. Ему всегда не хватало уюта, ощущения дома. Он, помню, пришел ко мне в первый раз когда, рот раскрыл, ой, говорит, как у тебя уютно.

Пу х о в. Счастливый у тебя муж, Надюха.

На д я. А потом сел на пол на кухне и говорит: можно, я у тебя здесь, в уголке, жить буду?

Пу х о в. Да, дом у него казенный. Как на вокзале.

На н а. Он говорит, что готов уехать со мной хоть на Колыму.

Пу х о в. Романтик фигов... Вот ведь, жил себе человек спокойно столько лет, а потом понял, что жил не так...

На н а. Ребята, спасибо вам!

На д я. За что?

На н а. За то, что вы есть. Если бы Андрюша разрешил, я бы подняла бокал за то, что нас связывает. Это так редко нынче. Не будем зарекаться, но пусть это длится вечно. Я так вас люблю. Если бы не вы...

Пу х о в. Ладно тебе...

На д я. А чего «ладно»? Пусть говорит.

На н а. Я уже все сказала.

На д я. Ура! Доставай... Ну, по махонькой.

Пу х о в. Никогда. Меня в Пицунде один физик обратил в трезвую веру. Сам он бросил к черту свою науку и теперь ездит читает лекции о вреде алкоголизма.

На д я. Бросил-то он после очередного запоя?

Пу х о в. Говорит, прочел какие-то исследования американцев, которые установили, что если в России будут так же по черному пить, то через три поколения произойдет полное вырождение нации. И должен заметить, что это вовсе не фантазии. Помните, в XVI веке...

На д я. Я хорошо помню.

Пу х о в. ... когда испанцы завоевали Америку, они никак не могли одолеть индейцев. Никаким оружием! А потом, знаете, как им это удалось?.. С помощью водки. Через два-три поколения сильная, умная нация деградировала. Вот так и мы с вами... Так что в этом доме — никогда!

На д я. А чего ты тут командуешь?

На н а. Пусть командует. Как скажет, так и будет.

Пу х о в. Мудро. Мне бы такую жену!.. Да, девы, для мужчины главное — сознание своей власти.

На д я. Ага, дай вам только волку.

Пу х о в. Воли можете не давать, но вот сознание, сознание силы и власти — вынь да положь, если хочешь, чтобы твой муж тебя любил.

На д я. А зачем? Нынче в семье верховодит женщина.

Пу х о в. Что и печально. Это разлагает семью.

На д я. Слушай, позвони ему. Где он там?

Пу х о в. Да приедет.

На д я. Позвони, позвони.

Пу х о в *(набирает номер телефона)*. Вот

старая сводня... Алло, Федя, ну как ты там? *(Слушает.)* Та-ак, все ясно... Держись... *(Вешает трубку.)* Очередной скандал.

Нана *(растерянно)*. Ой... Представляю, что там у них... Я так боюсь.

Пухов. Дочь сказала, что отравится, если он уйдет.

Надя. Не мог уж тихо оставить записку, да и все. И жена хороша — чего мужика держать!

Нана. Да, она странная девушка.

Пухов. Все мы становимся странными девушками, когда нас бросают.

Нана. Вот ведь глупость — почему он решил, что я его люблю?

Пухов. Чтобы вырваться из клетки, за кого-то надо схватиться.

Надя. Он, может, не тебя любит, а свою надежду, что сможет вырваться. И пусть он даже выдумал свою любовь к тебе...

Нана. А я не хочу быть его вдохновительницей! Что я ему... Незнакомка, да?

Пухов. Дыша духами и туманами...

Нана. Ага, роза в бокале золотого, как небо, аи.

Надя. Может, один раз в жизни он на такое решился и больше уж никогда...

Нана. А я-то здесь при чем? Нет уж, мне это не надо! *(Порывисто берет за телефон, набирает номер.)*

Пухов *(тихо)*. Испугалась.

Нана. Федор Иванович, вы сейчас решаете свои семейные дела, так вот учтите: я вас никогда не любила. Никогда! Это вы все сами выдумали. Да, и учтите это, чтоб потом меня не обвинять. *(Вешает трубку, садится. Ее трясет.)* Все, все, хватит!..

Надя. Раньше уж тогда надо было.

Нана. А я ему говорила, что сорокалетних жен не бросают.

Пухов. Угу, бросают шестнадцатилетних.

Надя. Ой, как мне его жаль! *(Нане.)* На, выпей. *(Подает ей воду.)*

Пухов. Чего мы боимся больше всего, так это нового шага.

Нана. Я ему говорила, давай не будем эгоистами, а он все свое: нет, будем, будем!

Надя. С возрастом человеку все больше хочется любви.

Пухов. А шансов все меньше.

Нана. Он мне сказал, что впервые по-

чувствовал себя свободным, когда признался мне в любви. Но мне этого не надо, не надо!

Надя. Как он хотел освободиться!

Пухов. Но забыл, что люди не прощают чужой свободы.

Надя. Никогда.

Звонит телефон.

Пухов *(берет трубку)*. Да... Здравствуй, Тамар...

Надя *(схватив Нану за плечо, тихо)*. Жена!

Пухов. Нет, я один дома. *(Слушает удивленно. Вешает трубку.)* Ну, дела...

Надя. Ну что там, что?

Пухов. Просила тебе передать *(берет Нану за руку)*, чтобы ты оставила ее мужа в покое.

Нана *(бледнея от страха)*. Как она узнала, что я здесь?

Пухов. Он ей сказал.

Надя. Да, он у нас правдивый.

Пухов. И еще он жену просил, чтобы она... спасла его... от тебя.

Нана. Она... спасла... от меня?

Надя. Ну, герой!.. Теперь, девка, держись!

Нана. Ой, ребята! *(Плачет.)*

Надя. Да, виноват во всем он, а обвиняет тебя.

Пухов. А в чем он виноват?

Надя. Зачем он все всем растревожил? «Я уйду к Нане». Да какой ты мужик, если женщину подставляешь!

Пухов. Он шел ва-банк, он сжигал корабли.

Надя. А уж изображал-то! «Я уйду сам по себе, я буду жить один». А стоило ей сказать, что не любит, и все, сдрейфил. Эх вы, мужики! Чего вы одни, без нас, стóбите?

Пухов. Ничего не стóбим!

Надя. И все у них будет по-прежнему. Образцовая семья!..

Пухов *(горько)*. Семнадцатого июля Федором Межаевым была совершенна героическая попытка...

Нана. Ничего ему не совершить. Неудачник он...

Пухов. А порыв?! Порыв разве ничего не стоит?

Надя. Он будет его вспоминать всю жизнь...

Нана. И рассказывать внукам...

Пухов. Жесткие мы какие!

На д я. ... и будет о себе думать очень хорошо. А мне его, в самом деле, очень жаль. Какой-то он...

На н а. Неудачник.

На д я. Нет, беззащитный какой-то, открытый, не способный за себя постоять. Вот рванулся один раз в жизни и... как-то неумело, все перья себе обломал, все карты свои сразу раскрыл, ни одного козыря себе не оставил...

Пу х о в. Надюха, там в буфете... И рюмки побольше.

На д я. Ой ты моя умница! *(Целует его, достает бутылку.)*

Пу х о в. Эх, Федя, а я-то поверил... Картошка переварилась!

На н а *(убегает, возвращается с кастрюлей)*. Несоленая.

Пу х о в *(Наде)*. Ты разве не солила?

На д я. Ха! Видали его!

Пу х о в. У этого метода есть недостаток — иногда забываешь посолить.

На д я. Эх, Андрюха!

Пу х о в. Эх, Надюха!

На н а *(плачет)*. Главное — по науке...

Картина четвертая

Три дня спустя. Рекламная фирма «Светоч». В кабинете Папы идет заседание.

Па па *(взволнован)*. Я столь экстренно собрал вас, товарищи, чтобы сообщить весьма неприятную новость...

К н я з ь. К нам едет ревизор.

Па па. Хуже.

К н я з ь. Хоть увольте меня из кассы взаимопомощи, а хуже не бывает.

Па па. Я попросил бы вас быть поскромнее.

К н я з ь. Намек понял. Умолкаю. Хотя и сознаю, что скромность — лучший путь к неизвестности.

Па па. Так вот, друзья мои, на днях в высокую инстанцию поступило на нас с вами письмо. Мне передали его копию.

Ли ра. Я предупреждала. Я же говорила!

Па па *(достает листок)*. Забавное письмецо. Кому доверим прочесть?

Ли ра. Давайте я!

Со ри н а. Как секретарь партбюро могла бы и я.

Па па. Пусть Федор Иванович. *(Подает Межаеву, который долго вертит письмо в руках.)*

К н я з ь. Ну читай же, не томи душу!

Ме ж а е в *(читает)*. «Дорогие товарищи, извините, что не подписываю свое письмо. Признаюсь честно — боюсь. Потому как наш директор, Адам Силыч Правда, категорически не приемлет критики и жестоко мстит тем, кто выражает хоть малейшее несогласие с линией его поведения...».

Ли ра. Да это же... анонимка! А их теперь не рассматривают.

Па па. Это у них там — там! — не рассматривают. В столицах. А у нас, тут — давайте не будем забегать вперед паровоза... Ну читай, читай.

Ме ж а е в *(читает)*. «Но молчать больше не могу, потому что невыносимо так больше жить и работать. Фирма «Светоч», как вы знаете, выпускает рекламные листки, буклеты, плакаты, а также еженедельное литературное приложение. Наш директор, человек бездарный, но хитрый...».

К н я з ь. Неужели так и написано?

Ме ж а е в. Да, «...бездарный, но хитрый...».

Па па. Мог бы и не повторять.

К н я з ь. Смело, смело.

Ме ж а е в. «...считает нашу фирму своей вотчиной, устроил из нее настоящую кормушку для себя и своих любимцев, которыми он себя окружил и создал райские условия для их жизни: непомерные гонорары, путевки, заграничные командировки и т. д. и т. п. Его любовь к этим людям основана на их подхалимаже и лизоблюдстве».

Па па. Во как! Видали?

Ли ра. А я предупреждала.

Ме ж а е в. «Например, хорошо известно, что ближайший соратник директора, заведующий отделом иллюстраций Князев, берет взятки с наших авторов, и поэтому печатаются у нас не наиболее талантливые художники, а те, кто наиболее покладист».

К н я з ь. Ложь! Клевета! Гнусная клевета!

Ме ж а е в. «При этом полученные деньги тратятся на выпивки вместе с директором или на подарки для него и его жены».

Па па. Ну как вам это нравится?

Со ри н а. Какой ужас! Какой ужас!

Ме ж а е в. «Принцип отбора поэтических и прозаических произведений основан на примитивной формуле «ты — мне, я —

тебе». То есть печатаются у нас опять-таки не наиболее талантливые авторы, а те, кто чем-то может быть полезен нашему директору. Чаще всего это те, кто способен протолкнуть в печать его собственные бездарные произведения. Поэтому он так и держится за свое теплое место, что понимает: как только он его лишится, так вся его графоманская продукция на другой же день перестанет кого-либо интересовать».

Князь. Смело, смело.

Межаев. «Еще одна сподвижница директора, наш парторг Сорина, работает исключительно на него: пробивает везде, где только можно, свои хвалебные рецензии на его произведения...».

Сорина. Какая подлая клевета! О господи, за что? За что!

Межаев. «...за что... за что... директор щедро с ней расплачивается. Его персональная машина к тому же всегда к ее услугам, как, впрочем, к услугам и других его любимцев, перерасход бензина при этом незаконно списывается. Еще одна давняя соратница директора, заведующая редакционным отделом Лири Лисецкая, так же щедро и незаслуженно осыпается всяческими благами за то лишь, что на любого неугодного директору сотрудника она готова сочинить какую угодно клевету и распустить ее в коллективе».

Лири. Что за мерзавец!

Межаев. «Наш завхоз Чернояк последние полгода только числится на работе, а на самом деле занят капитальным ремонтом дачи директора и при этом исправно получает зарплату да еще премии». Чернояк. Попадись мне этот писака! Я его в порошок!

Межаев. «Нередко ему на помощь в рабочее время отряжаются и другие сотрудники. Проявившие особое рвение на ремонте дачи опять же получают премии из государственного кармана. Конечно, государство у нас богатое, не обеднеет от «шалостей» одного нашего директора. Но беда в том, что таких немало. Я уверен, что мое письмо положат в архив, как это было с другими подобными письмами. Тем не менее я его написал. Написал и очистился».

Князь. Доброжелатель.

Папа. Ну как вам это нравится?

Князь. Нет слов, душат слезы.

Сорина. Я всегда говорила, Адам Силыч, что главная ваша беда — это чрезмерная доброта. Распустили народ, теперь пожинайте.

Лири. Надо срочно начать расследование!

Янусов. Какое расследование по анонимке!

Лири. Как! Теперь, я знаю, стоит только заявить о клевете, и прокуратура возбуждает уголовное дело. Вы что, о статье сто тридцать, части второй, не слышали?

Папа. Нам тут еще следователя не хватает.

Сорина. Да бросьте вы эту кляузу в корзину!

Папа. Нет, мы обязаны обсудить ее на партсобрании. И если никто в коллективе это грязное письмо не поддержит, а я уверен, что так и будет...

Лири, Сорина, Роза (*в один голос*). Конечно! Конечно!

Янусов. Придется создать комиссию.

Князь. Ну, нам не привыкать.

Папа. В два-три дня она должна будет разобраться и покончить с этим пасквилом. А то юбилей на носу.

Межаев. Обычно комиссию присылают со стороны.

Папа. А вы посмотрите (*кивает за окно*), какие грандиозные события происходят в стране, у нас на глазах! И конечно, кому какое дело сейчас до какой-то жалкой анонимки!

Янусов (*в сторону*). А жаль.

Лири. В которой нет ни слова правды!

Роза. Вот именно!

Папа. Итак, прошу называть кандидатуры.

Сорина. Предлагаю Розочку. Профсоюзы — школа коммунизма.

Папа. Быть председателем я бы доверил Федору Ивановичу.

Князь. А Саня? Кристальной чистоты человек.

Папа. Ну вот, на этих троих и останемся. Есть возражения? Нет возражений! Всем — спасибо... А вас, Федор Иванович, я попросил бы остаться. (*Когда дверь за остальными закрылась.*) Все говорят о каком-то заговоре, не слышали? Будто бы хотят меня сместить. Вот теперь это письмо... Имена заговорщиков называют. Извините... и вас тоже.

Межаев. Меня?

Папа. Я тоже очень удивился и не поверил. Не может, подумал я, человек, за которого я столько воевал, столько сил на которого потратил, нет, не может он так подло со мной поступить. А ведь мне в свое время о вас многие плохо говорили — и такой вы и сякой, и молодой еще для зама. А я за вас горой стоял. Горой!.. Да, я в вас всегда верил и сейчас верю. Не зря ведь на свое место я прочу именно вас.

Межаев. Адам Силыч, вы это серьезно?

Папа. Абсолютно.

Межаев. В прошлый раз я как-то не придал значения.

Папа. Напрасно, я слов на ветер не бросаю. Сказано — сделано. Вот мой закон. Но вы понимаете, такое доверие надо заслужить.

Межаев. Да я готов.

Папа. А знаете, Федя, я в последнее время много о вас думал. Знаете, что-то общее у нас с вами есть. Я так же, как вы, начинал тридцать лет назад. Забиякой был, на всех кидался: этот плохой, тот сякой. А потом... потом понял, что дело надобно делать, как классики говаривали. Знаете такую поговорку: если ты идешь к своей цели, но по пути будешь останавливаться и кидать камнями во всякую лающую собаку, то никогда не доберешься до цели. Помните эту мудрость... Я слышал, у вас в семье нелады.

Межаев. Да вот... как-то вышло. Но ничего... Три дня назад после очередного разговора помирились.

Папа. Да-да-да, так в нашей бурной жизни и бывает: ссоримся, миримся. Но часто семейные неурядицы от стесненных квартирных условий. Как вы живете, выдать, тесновато?

Межаев. Две комнаты на троих с дочкой.

Папа. И кабинета у вас нет своего. Да разве для творческого человека это годится! Я похлопочу. Да вот же, у нас неподалеку издательство новый дом строит. Там и выйдем вам квартиру. Вы член Союза, сам бог велел!

Межаев. Адам Силыч, не знаю, как и благодарить.

Папа. А никак! Просто честно исполняйте свой долг. Это для меня лучшей благодарностью будет.

Межаев. Да я теперь... эх, Адам Силыч!

Папа. Вы лучше скажите, я в вас не ошибаюсь? Я могу на вас положиться? А то знаете, столько в мире подлости, столько коварства!

Межаев. Да я к вам... как к отцу родному. Вы же знаете, я своего отца не помню, а мне всегда не хватало отеческой ласки, и вот теперь, когда я чувствую вашу заботу, ваше участие...

Папа. Эх, Федя, мне тоже так всегда не хватало простого человеческого тепла, сыновней нежности, э-э, как я о ней всегда мечтал!

Межаев. Адам Силыч, если б вы знали, как долго я ждал этого разговора! Как он мне был нужен! Я все думал, что вы мне не доверяете, недооцениваете меня...

Папа. Да что вы!

Межаев. А теперь... Я теперь для вас...

Папа. Я всегда говорил, два человека не могут не понять друг друга. Эх, Федя, жизнь такая злая штука, такая коварная, а мы еще друг другу пакости умудряемся подстраивать. Нет, не так живем. Добрее надо быть, внимательнее, не подталкивать в спину, когда человек на краю беды, а поддерживать его надо, помочь. Глядишь, человек и выкарабкался. А придет твой черед, он тебе поможет. Вот так жить надо... Ну иди, иди. Не стану задерживать. У тебя сейчас трудное время настало, возиться с этой грязной клеветой, с этим письмом, в котором нет ни слова правды. Сочувствую тебе.

«Филодром».

Янусов (один). Ну, Папа... Неужели и в этот раз вывернешься?

Шамиль (входя). Все говорят о каком-то письме.

Янусов. Весьма хитрое письмецо. Подводит базу. Кто б захотел, так с этого кресла Папа мог бы прямиком на скамью подсудимых загреметь.

Шамиль. А факты? Факты!

Янусов. Все то же. О чем сто раз мы с тобой говорили.

Оба уходят.

Входят Пухов, Надя, Саня, окружая Князя.

Надя. Ой, Эдуард Семеныч, ну расскажите, что там?

Князь. Да муть собачья! Пасквиль!

Ни слова правды. Головы этим писакам бы отрывать! Научились грамоте и скорее кляузы строчить. Саня, зайди. (*Уходит вместе с Саней.*)

Нана (*входит*). Ой, ребята, что будет!.. Я так боюсь.

Пухов. Тебе-то чего бояться?

Нана. Не знаю, но я так боюсь, так боюсь.

Все трое уходят.

Эдик (*выходит вместе с Чернояком*). Опять я все узнаю последним. Какое-то письмо...

Чернояк (*погирая руки*). Теперь уж им несдобровать.

Эдик. Да что за письмо-то?

Чернояк. Есть там, конечно, и глупости, насчет моих премий, например. Будто бы я их получал за ремонт дачи. Черта с два! А кто ему и квартиру три месяца ремонтирует, не я, что ли? Сволочь, и после всего этого отказывается печатать мою повестуху! (*Уходит вместе с Эдиком.*)

Голос Эдика. Что за письмо-то? Кто писал? Кому?

Картина пятая

Три дня спустя. «Филодром», поздний вечер.

Пухов (*глядя в окно*). О, уже толпа, всю ночь будут стоять... За гарнитуром давятся, «Людовик XIV». Ну что стоило этому Людовику сделать побольше мебели в своем стиле!.. (*Увидав входящего Межаева.*) Какая встреча! Ты чего это так поздно?

Межаев. Отчет комиссии заканчивал. Пухов. Ах да, завтра же собрание... Ну, судя по тому, что сразу после него намечен концерт худсамодеятельности, собрание пройдет на самом высоком уровне.

Межаев. А ты что тут до ночи?

Пухов. Да вот... запустил дела с этим дурацким романом. Слушай... чего это ты стал меня избегать?

Межаев. Я? Да что ты!.. Видишь ведь, сколько забот.

Пухов. А пойдем ко мне, посидим, покалякаем.

Межаев. Нет, знаешь, я теперь к тебе... не скоро приду.

Пухов. Чего это?

Межаев. У меня на твой дом аллергия. Как вспомню...

Пухов. Ах, какие мы нежные!

Межаев. И вообще...

Пухов. Что «вообще»?

Межаев. Я много думал в последние дни... Ты на меня как-то действуешь... И ты, и Нана.

Пухов. Хм! Интересно...

Межаев. Жил я себе спокойно и жил, не вылезал...

Пухов. Да-да. Все мы гвозди, забитые в половицы, и как только один из гвоздей вылезает из доски, тут же находится молоток, чтобы забить его на прежнее место.

Межаев. Выше себя не прыгнешь. А я знаю себе цену...

Пухов. Хорошо знаешь?

Межаев. И еще я знаю, что, работая с Папой, хорошему человеку остаться хорошим человеком — это уже подвиг! А я стараюсь это делать. По крайней мере, не совершать подлостей. Это уже много, очень много!.. И не смотри на меня так!.. Знаю, что ты меня втайне презираешь за то, что я перед ним пресмыкаюсь. Ага, а вы все чистенькие, благородные, гордые!.. Да, я грус, я знаю, но это позволяет мне делать дело. Пока я молчу, я могу хоть изредка под шумок печатать хороших авторов, а не этих бесконечных Папиных нужников. Кто бы мне это позволил, пикни я хоть слово против него! Да, конечно, быть порядочным, ой, как красиво! Но тогда пострадает дело! Здесь я хорошо усвоил заповедь: хочешь дело делать, не вспоминай о порядочности.

Пухов. Старик, успокойся! Поверь, я очень рад, что ты на Папу баллон перестал катить. Я так за тебя боялся... Если человек берется за такое рискованное дело, он должен быть совершенно чистым! А на тебя его сатрапы столько бы сразу навесили! Все твои мелкие грешки они в одно мгновение, как фокусники, раздули бы до размеров преступления против человечества. И когда ты предстал бы перед всеми замаранным, кто бы рискнул замолвить за тебя хоть полслова?.. Никто... Нет, нам против него поставить нечего. Это монолит, стена, глыба... Но когда-нибудь я все это опишу. О, что это будет за книга! Они прочтут, узнают себя и в ужасе отшатнутся!

Межаев (*не сразу*). Знаешь, а ведь я Папе очень многим обязан. Он взял меня с улицы, столько за меня воевал... Да-да, знаю. Я трус, а что я могу себя переделать, что ли! Я к нему вхожу, и у меня руки-ноги трясутся. Он на меня как удав на кролика...

Пухов. Хороший ты парень, Федор. Я тебя люблю. И не лезь ты в драчку, не твое это дело.

Межаев. Знаешь, я тут вчера... поймал себя на мысли, что хотел кинуть Папе обвинение... из честолюбия. Вернее, тщеславие — вот что мной двигало. Да-да, я себе хотел доказать и всем, что я чего-то значу, что я не такой, как все, что я лучше всех. Вот, мол, смотрите, какой я! Все вы сидите по горло в дерьме, а я не хочу. Я бросаю вызов сильному миру сего, смотрите! Эго, эго — вот что движет человеком в любом его поступке, а уж красивые объяснения он находит потом... И еще я понял: не надо никого учить жить. У каждого своя правда. Делаю что должно, и пусть будет что будет. Да, я рад, что освободился от Наны. Это было какое-то... наваждение.

Пухов. «Люблю, люблю. Первый раз в жизни люблю».

Межаев. Да иди ты!.. Я только теперь свободно вздохнул, когда избавился от ее власти над собой. Извела она меня... Дело надо делать... И жену, с которой полжизни прожил, не бросают.

Пухов. Все верно, старина, все верно. Ты как будто передо мной оправдываешься.

Межаев. Я хочу, чтоб ты понял. Я решил начать новую жизнь. Прочь сомнения, прочь! Устал я от них, довольно. Какой уж я есть, такой и есть! Дело надо делать, а не самокопанием заниматься. Не переделывать жизнь, а входить в нее, в ту, какая она есть. Я теперь хочу жить своим умом, никого не слушая, не внимая никаким призывам к благородству. Я сам только буду знать, что делаю свое дело честно, как могу, служу истине, правде — той, что возможна сейчас, в этот момент истории, а не абстрактной какой-то правде...

Пухов (*смеется*). Служу Правде... У нас в конторе это звучит двусмысленно.

Межаев (*не слыша будто*). И в конце концов, сейчас я честно исполнил свой долг заместителя. Автор этого письма облил грязью всех нас, всех под одну

гребенку — все подхалимы, все лицемеры. Печатаются только нужные люди. А моих усилий он не заметил? То, что с таким трудом иногда все же мне удается пробивать, это ему до лампочки!

Пухов. Факты в письме, значит, не подтвердились. Ну и черт, с ним со всем! И с письмом этим, брось, не переживай! А то, я вижу, ты... скоро тронешься. Побереги себя, ты хороший парень, у тебя совесть есть. Это нынче продукт дефицитный.

Межаев. Чувствую, чувствую в твоих словах иронию.

Пухов. Побойся бога!

Межаев. Нет, не обманешь. Говорить-то мы все мастаки, а что ж ты, такой умный и честный, не займешь место повыше, чтобы руководить умно и честно? Тебя же выдвигали вместо Леры. Не захотел. Конечно, в сторонке стоя, легче остаться чистеньким. А попробовал бы ты возвысить дело, не унизив себя, поглядел бы я, как бы тебе это удалось.

Пухов. Я историю люблю, поучительная штука! Так вот... во втором веке в Риме преторианцы, ну, гвардейцы императора, сильно нуждаясь в деньгах, пустили с публичного торгового императорский трон. Его купил один сенатор, Юлиан, кажется. То ли за десять, то ли за двенадцать миллионов динариев. На шестьдесят седьмой день царствования его... убили. Кто? Те же преторианцы. Ребятам, однако, показалось мало, они захотели еще подзаработать, но желающих больше не нашлось... Вот и я не хочу... Ты прав, забравшись наверх, мы в себе что-то убиваем. Поэтому и не хочу. Я уж лучше тут, пониже... Ну ладно, ладно, поздно уже. До завтра... И не бери в голову, побереги себя. (*Дергает его за помочи, уходит.*)

Межаев, задумавшись, смотрит в окно. До него вдруг доносятся пьяные голоса, женский смех, он инстинктивно прячется за пальму.

Голос Князя. Больше грязи — крепче связи.

Голос Янусова. Князь, не симулируй гениальность.

Нана (*входит с сигаретой, не видя Межаева*). Да что ты — не кури, не кури. Вон древние греки не курили, а все вымерли.

Алла (*вбегая, целует ее*). Ой, Нана, какая ты у нас умница!

Нана. Вы еще не знаете, какой я пирог с капустой пеку! Я его делаю только для самых близких людей. Вот испеку, попробуйте.

Князь (*выходит в обнимку с Папой*).

А что, Папа, мы ведь могли бы жить и лучше, но нам... стыдно.

Папа. Хорошо посидели. (*Обернувшись*).

Э! Э! вы там, молодежь! Витя, где у тебя совесть?

Янусов (*входит в обнимку с Розой*).

А что это такое?

Алла (*замеги Межаева*). Ой! (*Отодвигает ветки пальмы*).

Князь (*Алле*). Не тревожь флору — пусть окружает.

Янусов. Канарские острова славятся своими канарейками.

Роза. Ба! Феденька! (*Шлепает его по щеке*).

Папа. Федор Иванович?

Князь. Увольте меня из кассы взаимопомощи, если это не он.

Папа. Что так поздно?.. А мы ехали мимо, дай, думаем, заедем в родную обитель...

Князь. Тем более что тут еще кое-что припасено.

Янусов (*Межаеву*). Старик, пошли. Такое пережить не каждый день приходится. Эта кляуза выбила нас всех из колеи, надо как-то восстанавливать силы. Девочки, ну вы там накройте...

Алла и Роза *уводят бледную Нану*.

Князь. А на меня девушки уже не смотрят. Придется повесить к подолу колокольчик, как раньше мужчины делали в Германии, чтобы привлечь к себе внимание женщин.

Папа. Ну еще по махонькой, и все, а то... И так уж... хм-хм!

Янусов (*Межаеву*). Пошли, старик, обидишь.

Все, кроме Папы, уходят.

Голос Князя. Бальзам на раны! Красиво жить не запретишь!

Папа (*один*). Ах, как устал я от собственной мерзости, от компромиссов, от постоянных сделок с совестью! Хочется подняться, воспарить над этой пошлой суетой, над этой унижительной трясинной неизменного соглашательства. Хочется чего-то иного, высокого, возвышенного, черт побери!

ри! (*Пауза. Гладит ствол пальмы*). Неужели... неужели мы совсем утратили благоговение перед достоинством, честью, неужели они уходят из нашего обихода, вытесняются пошлыми соображениями об удобствах?.. Кто из нас встал бы сегодня к барьеру на место Пушкина? О, немного найдется охотников честь поставить превыше благополучия. Что ж, канул в лету рыцарский век России? Что ж, не осталось разве среди нас искренних и отважных, кто не побоялся бы выйти открыто и бросить в лицо негодю, облеченному властью: «Негодяй!» А сам-то ты!.. Кто вынул из тебя хребет? Кто заставляет гнуться во все стороны, туда, где гуще, где сытнее?.. Страх? Чего я боюсь? Взойти на эшафот? Сгореть на костре? Нет, мы боимся лишиться подачки. По-дачки! Противно! Мерзко! (*Пауза. Отходит к окну*.) Нет, живет, зреет в душе жажда жить иначе — по чести, по красоте, по правде. Но сказать об этом кому-либо стыдно. Ха-ха! Стыдно... Что же такое с нами случилось, если сказать такое стыдно?.. Господи. (*Встает на колени. Пауза*.) Господи...

Картина шестая

Два часа спустя. Дома у Пухова.

Пухов (*читает книгу, задумывается, порывисто встает*). А я, глупец, не мог понять, зачем сорок лет Моисей водил их по пустыне...

Звонок в дверь.

(*Удивленный, идет открывать, возвращается с Межаевым, который навеселе*.) Где это ты, брат, умудрился набраться в такую пору?.. По нынешним временам это...

Межаев. Не имей сто рублей... Я на минутку.

Пухов. Садись. Чай пойду поставлю. Межаев. Не надо, я сейчас уйду, только два слова...

Пухов. Аллергия тебя еще не мучает? Межаев. А ты злой человек.

Пухов. Да, это есть во мне.

Межаев. Так вот... раз у нас сегодня день откровений. Я... я... ненавижу тебя! Да-да, ненавижу. Эдакого... благородного, смелого! Кто позволил тебе заступаться за честь моей женщины? Моей, а не твоей. Пусть, пусть она оказалась шлюхой...

Пу х о в. Что-то новое.

Ме ж а е в. ...пусть все летит в тартарары! Да, ты смог, а я нет. Ты всегда мог, а я все только собирался. И за это я тебя ненавижу. Ты поспешил, чтобы себя показать. А может, еще немного, и я бы тоже решился, но ты поспешил, чтобы унижить меня. И унижил, унижил! Ты, ты убил во мне искру. Пусть, пусть я трус, но я мечтал совершить поступок, я жил этой мечтой, лелеял ее, а ты!..

Пу х о в. Ты пьян, брат.

Ме ж а е в. А хочешь, если уж я тут перед тобой на пузе ползаю... Так вот знай, своим унижением я даже... упиваюсь, да, упиваюсь, потому что в нем для меня таится... надежда на возрождение. Да! Я смогу! Я сумею победить страх!.. Но приходят такие вот прытки, как ты... Я ненавижу прытких, которые все могут! Хозяева жизни, видали!.. Теперь, когда я все сказал, прощай... А Нана — шлюха. И защищал ее ты зря! И я хотел уйти из дома зря! И свою любовь к ней выдумал! Залетел слишком высоко... А мне теперь вдруг легко стало, да, теперь, когда я избавился и от тебя и от нее.

Пу х о в. Да, ты уже говорил сегодня.

Ме ж а е в. А я еще раз могу сказать. Да, я теперь свободен. Теперь меня не будут мучить сомнения — как я могу служить Папе. Я дело делаю, я делу служу, а не Папе понял?

Пу х о в. Понял.

Ме ж а е в. Ушел бы ты от нас, мне бы легче стало.

Пу х о в. Я подумаю над вашим предложением, Федор Иванович.

Ме ж а е в. Подумай. *(Не прощаясь, уходит.)*

Пу х о в. Хороший парень. Жаль будет... жаль...

Картина седьмая и последняя

Кабинет Папы. Идет собрание, присутствующие участники (кроме беспартийных Нади, Аллы, Эдика и Сани) составляют как бы президиум собрания. Выступающие обращаются к «основной массе» — к зрителям.

С о р и н а. Итак, на повестке дня у нас один вопрос: о результатах работы комиссии по проверке этого грязного письма. Есть другие предложения по повестке

дня?.. Кто против? Кто воздержался?.. Принято единогласно. Тогда я предоставлю слово председателю комиссии товарищу Межаеву. Прошу, Федор Иванович. Ме ж а е в *(достав бумажку)*. Комиссия тщательно ознакомилась с фактами, изложенными в письме. Были изучены подборки нашего издания за последние три года, особенно приложения, где, по утверждению автора письма, печатаются только выгодные и нужные директору писатели и поэты. Были проведены многочисленные беседы с нашими сотрудниками, среди которых мы пытались найти кого-нибудь, кто подтвердил бы факты, упомянутые в письме. А теперь подробнее о результатах этой работы.

Затемнение. Звучит лирическая музыка. Свет зажигается.

Ме ж а е в *(складывает листки)*. Итак, мы видим, что факты, изложенные в письме, не подтверждаются. Таков основной вывод нашей комиссии. *(Садится.)*

С о р и н а. Кто хочет выступить?.. Я уверена, что это событие затронуло сердце каждого из нас, поэтому многие захотят высказаться... Что разве нет желающих? Ну хорошо, тогда скажу я... Десять лет жизни — вот сколько я потеряла, глубоко переживая это событие. Я уверена, что не меня одну это письмо выбило из колеи. И не потому, что мы испугались, нет, нам бояться нечего, а потому, что среди нас притаился враг. Хуже всего то, что мы не знаем имя его. Нам было бы намного легче, если бы сейчас он поднялся и сказал: это написал я... Пу х о в резко встает. Пауза. Все смотрят на него. Он уходит.

Я всегда говорила и сейчас повторю: вы слишком добры, Адам Силыч. Распустили вы людей.

Па п а. Да, я вижу, что слишком добр, что надо быть строже. Ну что ж, никогда не поздно исправить свои ошибки. Критику вашу я принимаю, Вера Павловна. Я вообще критику люблю. Но — справедливую критику!

С о р и н а. Кто еще хочет выступить?

Р о з а. Можно я?

С о р и н а. Пожалуйста, Розочка.

Р о з а. Я заранее прошу меня извинить, если я что не так скажу. Дипломатничать я пока не научилась и речи произ-

носить тоже, я говорю как думаю. Я возмущена! Да, я до глубины души возмущена. Сколько хорошего мы сделали для вас, товарищи! Поездки, экскурсии, походы в театр, на концерты, заказы в лучшем гастрономе города, льготные путевки, лечение в лучших санаториях, а нам все мало, мало! Неблагодарные мы какие! Вот что я вам скажу. Заелись мы, с жиру бесимся!

Затемнение.

Луч прожектора высвечивает Пухова, который идет к Сание, сидящему у себя в кабинете.

Пухов. Саня, у тебя всегда есть. Плесни сто грамм.

Сания. Что это ты?

Пухов. Для храбрости.

Сания. Ты же завязал.

Пухов. Последний раз.

Сания (*ехидно улынувшись*). А у меня нету.

Пухов. Правда?.. (*Уходит*.)

Сания. Правда.

Собрание продолжается.

Сорина. Итак, вместе с докладчиком выступило пять человек. Кто хочет еще?.. Или другие будут предложения?

Шамиль (*негромко*). Подвести черту.

Сорина. Ну что же, товарищи, действительно, все ясно. К тому же, нас ждет еще одно мероприятие, более приятное, концерт самодеятельности. Будем подводить черту?

Пухов (*входя*). Могу я вас на минутку задержать?

Сорина. Пожалуйста.

Пухов. Я вообще-то не хотел выступать, но... увидав сегодня здесь... В общем... я хочу выразить свое особое мнение.

Папа. Особое?

Пухов. Да... Я вижу, что все поддерживают выводы комиссии... А я хочу сказать, что я целиком поддерживаю... письмо. Я полностью согласен с тем, что там написано.

Лира. Я предупреждала! Я же говорила, что заговор!

Пухов. В письме этом много правды, но...

Папа. Уж не вы ли его написали?

Пухов. Нет, не я. Если бы я его писал, я бы сильно его дополнил. Да, там много верных слов, но главного там, по-моему,

нет. Взглянув сегодня на наше собрание как бы со стороны, я ужаснулся. В кого мы превратились? Сидит полсотни людей, слушает ложь, знает, что это все ложь, и молчит. И сейчас голосовать будут за ложь. Да, Адам Силыч, вы со своим триумфом, триумфом своих принципов много людей загубили. Вы отнимаете у людей веру, вот чем вы страшны. Веру. Веру в справедливость. Всю свою жизнь вы сеете в людях безверие, плебейскую психологию. Вы заставляете нас быть хуже, чем мы есть.

Лира. Да он с ума сошел. Он сумасшедший!

Пухов. О, вы прекрасно устроились! Не жизнь у вас, а просто рай. Но попробуй вас кто-нибудь потревожить... о, худо ему придется. Вы ему быстро охоту отобьете: не лезь, тут у нас... рай. Глядя на вашу жизнь, на ваш успех, многие думают: вот как жить-то надо! Если уж ему все позволено, то чего же нам, простым смертным, стесняться! И не стесняются. Вот что страшно!

Роза. Да он пьян! (*Принюхивается к Пухову*.) Конечно, он пьян!

Лира, Чернояк, Сорина по очереди подходят к Пухову, принюхиваются, возмущенно жестикулируют.

Пухов (*не замечая суеты вокруг себя*). Каждый час вашей власти, вашего успеха губителен, убийствен! Потому что плебейская, рабская суть за долгие годы въедается в кровь, и я боюсь, что скоро начнутся у нас изменения генетические, необратимые, и утратим мы в своей утробе способность вырабатывать человеческое достоинство! И тогда пиши пропало! Вот почему я и кричу: опомнитесь, люди! Всколыхнитесь, гордые души! Нельзя так жить дальше!

Лира. Регламент, регламент. Он вышел за регламент.

Пухов. Сколько бы ни было еще самых верных, самых правильных директив и постановлений, мы не сможем, мы ни черта не сумеем, если мы сами...

Роза. Да что же это такое! Что же делается, вы посмотрите, кто нас поучает! Пьяный! И мы все молчим, мы все его слушаем?

Общий шум, гвалт, суета.

Л и р а (*перекрикивая других*). Я же говорила, это заговор!

Па па (*встает, в зловещей тишине долго и пристально смотрит на Пухова*). Ну что прикажете делать?.. (*Вдруг очень усталым голосом*.) А ведь он... во многом прав. Да, да. Прав... А вы говорите, Вера Павловна, что нет среди нас благородных людей. Вот вам, пожалуйста! Разве не благородный поступок, достойный самого высокого одобрения?.. Вот, оказывается, какие герои среди нас есть. А я-то думал, что нету... Я искренне говорю, искренне! Поверьте мне!.. Андрюша, поверь и ты, что я искренне восхищен твоим поступком. Я не ожидал... не ожидал, что кто-то... здесь... на такое способен. Только что же ты раньше-то молчал?.. А знаешь, чего я сейчас хочу?.. Обнять тебя и уйти с тобой отсюда прочь. Да! И долго с тобой говорить по душам обо всем на свете, поверь мне! Да если хочешь знать, я всегда мечтал о таком сыне, как ты. Да, сам вот не сумел стать таким, ну, думаю, пусть хоть сын будет таким... лучше меня, выше, благороднее. Душа ведь истосковалась по благородству. (*Умолкает, в задумчивости отходит в сторону*.)

К н я з ь (*в изумлении шепчет Розе*). Ну Папа дает, ну отливает пули. Знал я артистов, но таких... таких еще не видел.

Па па (*то ли себе, то ли всем*). Увы, нету сына... Андрюша, только что же ты так долго молчал? Зачем ты так долго копил злобу? Почему не пришел ко мне раньше, почему раньше мне все это не сказал?.. Нет, так не годится, друг мой. Времена нынче другие, другие нынче времена! Надо смелее говорить правду. А ты мы совсем отвыкли от этого. Так давайте учиться... говорить правду. (*Пауза*.) Ну что же вы? Андрей Пухов, молодой талантливый парень, показал вам отличный пример гражданского мужества. Ну кто еще хочет сказать то, что он думает?.. Вы что, боитесь, что ли? Странно, разве кто-нибудь закрыл Андрею рот? Нет, мы этого не позволим. Мы за истинную демократию! За истинную открытость! Гласность! Говорите, говорите же! Ну!

С о р и н а (*робко*). Что-то вы нето говорите, Адам Силыч. Слишком уж вы добры, слишком. Пьяный на партийном собрании — такого у нас еще не было...

Р о з а. И не будет!

С о р и н а (*более вдохновенно*). Да, случай, прямо скажу...

Л и р а (*подхватывает*). Беспрецедентный. Р о з а. Вот именно! Его надо строго наказать.

С о р и н а. Несомненно!

Па па. Друзья мои, о чем вы говорите! Вы совсем не поняли, что я сказал?

Р о з а. Мы отлично вас поняли!

Па па. Да нет же, я не шучу. Я совершенно серьезно!

К н я з ь. Артист, артист. МХАТ по нему плачет.

Общий шум, гвалт, все говорят разом.

Р о з а (*перекрикивая всех*). Вера Павловна, кто у нас ведет собрание? Вы или?.. Нельзя пускать такое серьезное дело на самотек.

С о р и н а (*кричит*). Тихо!.. Какие у кого будут предложения?

Долгая пауза.

Папа встает, отходит к окну, смотрит задумчиво в какую-то ему одному ведомую даль.

С о р и н а. Товарищи... (*В нерешительности оглядывается на Папу*.) Какие у кого будут?.. Я думаю, что нам надо... мы должны все вместе... все сообща... нам надо... сделать сейчас небольшой перерыв, чтобы все мы глубоко... глубоко...

Р о з а (*подхватывает*). Чтобы мы глубоко проанализировали ситуацию, осознали всю пагубность поступка нашего... товарища.

Затемнение.

Луч прожектора высвечивает Пухова, на «филодроме» он пока один. По одному к нему подходят и тихо шепчут:

Чернояк. Ну ты даешь! Под танк ложишься, учти. (*Исчезает*.)

К н я з ь. Красиво жить не запретишь. (*Исчезает*.)

Ш а м и л ь. Ну брат, Куликовская битва, я вижу, продолжается. Да-а, ты герой, это подвиг! Такой поступок всей жизни стоит. (*Исчезает*.)

Я н у с о в. Все мы дерьмо, только ты один, только ты один... (*Исчезает*.)

М е ж а е в. Пока не поздно, походи к Папе, скажи, что все это спьяну сболтнул, не ведал, мол, что творил, покайся! Иначе... иначе я не знаю... Иди, умоляю тебя! (*Исчезает*.)

Голос Аллы. Федор Иванович, где вы? Вас Папа к себе срочно просит.

Надя (*входит*). Что ты натворил, Андрей?.. Зачем ты поспешил? Надо было, действительно, устроить заговор... Эх жаль, что я бэпэ, а то я им сейчас бы сказала! Ну, держись. Все честные люди с тобой.

Пухов. А много их осталось?

В кабинете Папы. Сорина, Лира, Роза, Межаев сидят за столом и синхронно поворачивают головы в сторону Папы, который в задумчивой растерянности, даже в отчаянии, ходит по кабинету. Актеру очень важно понять его внутреннее состояние: Папа действительно готов сейчас решительно перевернуть свою жизнь, начать жить иначе, но... Хорошо отлаженный им же самим механизм работает исправно.

Роза (*пересев на место, где обычно сидит директор*). И так... Ну вот... Доигрались... Чтоб другим nepовaдно было — исключить и уволить!

Межаев и Папа порываются что-то сказать.

Сорина. Как можно! Все восемь лет только хвалили и вдруг?..

Роза. Вера Павловна... Сейчас страна живет такой напряженной жизнью, такие от нас всех требуются титанические усилия, что, конечно, в вашем возрасте... я понимаю, трудноvато соответствовать.

Адаму Силычу давно говорили, что мы не омолаживаем коллектив. В частности, вас называли...

Сорина. Да что вы, Адам Силыч!.. Папа. Но я стоял за вас горой.

Роза. А может быть, придется vнять советам сверху?

Сорина. А что я, собственно, такого сказала? Я разве против? Я всегда заодно с коллективом.

Роза. Вот именно, в столь решительный момент мы должны продемонстрировать сплоченность наших рядов. Всех сомнительных, то есть всех сомневающихcя, вы должны, Вера Павловна, увлечь своим страстным словом.

Сорина. Адам Силыч, вы же знаете, как я плохо говорю.

Роза. Да, верно. А что вы делаете хорошо? (*Пауза*.) Ну ладно. Вот Коля у нас неплохой оратор.

Чернояк. Чуть чего, так Коля, а как его повесть напечатать...

Папа (*задумчиво*). Ну о чем речь! (*Достает рукопись*.) Федор Иванович, там в ближайших номерах место найдется?.. Ну вот и хорошо. Молодежи у нас всегда была открыта дорога. (*He сразу, другим, очень усталым голосом*.) Друзья мои... куда вы без меня?.. Меня турнут, и вам здесь... ни дня не продержаться... Ну ладно... А с его исключением не торопимся ли мы?

Роза. С его исключением все ясно, а вот завтра надо будет его увольнять. Поводы есть? Что там у нас за ним числится?

Лира. Он часто на работу опаздывает.

Роза. Так, систематическое нарушение дисциплины! Еще?

Сорина. А как он дерзко сегодня говорил.

Роза. Так, грубое обращение с сослуживцами. Пиши, Лира, пиши!

Лира. Я пишу, пишу. (*Пишет*.)

Роза. Еще?

Межаев (*неуверенно*). Он рукописи... сдает поздно.

Роза. Так! Пишем. «Систематическое нарушение графика сдачи рукописей, что влечет за собой ломку технологического процесса...». Успеваешь, Лира?.. «...выхода издания в свет, что в свою очередь оборачивается значительными потерями для государства». Отлично, Федор Иванович, отлично!

Папа. Друзья мои, а поймет ли нас... народ?

Звучит музыка, сквозь которую время от времени доносятся отдельные фразы Чернояка: «...Когда все сознательные товарищи устремили свои усилия на решительную перестройку, на решительное искоренение пьянства из нашего образа жизни... Радио, газеты, телевидение столько говорят об ужесточении ответственности за пьянство... И, в конце концов, оскорбляет человеческое достоинство, общественную нравственность...» Зажигается свет. Музыка умолкает.

Чернояк. Учитывая все сказанное, я предлагаю... исключить Андрея Пухова из рядов партии. (*Садится при полной тишине*.)

Сорина. Поступило предложение... Другие предложения есть?.. Нет. Прошу голосовать.

Затемнение.

Луч прожектора высвечивает лица по одному. Все один за другим поднимают руки: Папа — с тихой искренней скорбью; Янусов — с вороватой ухмылкой; Сорина — со взглядом, устремленным в вечность; Лира — с плохо скрываемым ликованием; Князь, вальяжно откинувшись, вертит кистью, как бы разминая ее, а вовсе не подымая; Шамиль то ли трет виски ладонями, то ли поднимает руку; Роза — победно и с пренебрежением глядя на все вокруг; Нана не решается сама поднять руку, но Роза берет ее за плечо и поднимает; Межаев едва поднимает руку, низко опустив голову.

Единогласно.

Прожектор еще некоторое время высвечивает Межаева с поднятой рукой и низко опущенной головой.
«Филодром».

Пухов (ошеломленный). Ну уж нет... этого я вам... не позволю... (Постепенно воодушевляясь.) А вот теперь-то... теперь-то мы повоюем. (Как каратист, прыгает и наносит сокрушительный удар ногой, воинственно кричит.) Бя!.. Теперь уж я ничего не боюсь. Довольно. Решился, наконец-то решил, о, как легко дышится!.. Только что же так тяготит меня?.. А-а... промолчали «гордые души»... Какое же им потрясение надо, чтобы в сердце у них отозвался призыв к достоинству?.. Нет, нет... сейте разумное, доброе, вечное, сейте! (Смеется.) Но семена ваши будут прорастать чертополохом цинизма и безверия, пока... пока хозяевами жизни остаются... (Указывает туда, откуда пришел. Застывает как монумент, пока не входит Шамиль.)

Шамиль (поспешно и тихо). Но где взять факты, факты, которые можно подтвердить документально? До-ку-ментально! А иначе — клевета. И ничем ты им не докажешь. Надо же было предвидеть! За ним сила, у него связи, а у тебя?

Пухов (не слушая). А я-то, глупец, все не мог понять, почему Моисей водил их по пустыне сорок лет...

Шамиль. Ты о чем?

Пухов. Чтобы умерло поколение рабов. (Уходит.)

Шамиль. Как все гадко получилось! Чернояк (входя). А ты чего хотел?

Шамиль. Но Андрюха-то... Надо же было предвидеть.

Чернояк. Конечно! А то, как поп Гапон, вывел нас всех на площадь с хоругвями под пули. Нет, это глупость, глупость! Бодался теленок с дубом.

Шамиль. Но мы же сами только и делали, что ругали Папу.

Чернояк. Ну это в традиции русской интеллигенции — честить начальство, но это же не значит... В конце концов, меня Папа устраивает, с ним хоть дело можно делать.

Шамиль. А ты знаешь, Андрюха не сказал самого страшного: нельзя, служа Папе, остаться честным человеком. А ведь я когда-то им был...

Чернояк. Кто старое помянет... (Уводит Шамиля.)

Нана (входит, сдерживая рыдание). Так зачем же в газетах пишут красивые слова? Зачем призывают?.. (Уходит.)

Князь (вслед ей). Жизнь, дорогая моя, чуть-чуть посложнее газет. (Вдруг делает замысловатый, весьма смешной пируэт.) Надя (вбегая). Это расправа! Как вы могли! Это расправа!

Князь. Есть многое на свете, друг Горацис...

Надя. Труссы! Все вы трусы!

Князь. Но, мадемуазель!.. Фи! (Уходит.) Надя (входящему Шамилю). Как вы могли! Как ты мог!

Шамиль. А что я один? (Уходит.)

Надя (входящей Нане). Как ты могла! Нана. Но ведь они... (Уходит.)

Надя (входящему Янусову). Как вы посмели!

Янусов. А я-то здесь при чем! (Уходит.) Эдик (вбегает, сбивая Янусова). Межаев...

Межаев из окна... выбросился... Федор Иваныч!!!

Затемнение.

В темноте слышны всхлипы, плач, голоса.

Янусов. Ну теперь, Папа... держись! Чернояк. Дурак, дурак!

Сорина. О господи, как же так, что же теперь будет?

Пауза. Звучит музыка. Когда свет зажигается, мы видим, как Саня, Шамиль и Эдик, высунувшись из окна, что-то с трудом тащат.

Эдик. Осторожно, осторожно!
Саня. Да отпусти мы мою руку!
Шамиль. Еще немного, ребята...

Они вытаскивают за помочи Межаева, тот без сознания. Сажают его на пол.

Саня. Надо же, как повезло! И карниз-то узенький.

Эдик. Другому подивись — какие подтяжки крепкие.

Саня (*смотрит помочи*). Фирма. Мейдин... Бер-дянск.

Шамиль. Второй раз парень родился. Папа (*выходит, за ним остальные*).

Эх, Федя, Федя, как ты нас хотел подвести!.. То есть, как мы все рады!..

Надя (*расстегивает у Межаева ворот*). Воды, воды!

Алла убегает за водой.

Роза (*Папе, негромко*). Придется нам с ним расстаться.

Папа. У меня тоже сейчас такая мысль мелькнула. Эх, Роза, я ваш портрет... у себя в спальне решил повесить.

Роза (*наставительно*). Жена заревнует. Папа. Вот и хорошо. Если б вы знали, как я одиноч!..

Роза (*лениво потягивается*). Да-да, я знаю.

Папа. Не махнуть ли нам завтра на выходные за город? Подальше от городской суеты, а?

Роза (*небрежно*). Что же, я не прочь.

Папа. Вот и отлично. Мой шофер за вами заедет.

Алла (*входит со стаканом воды*). Адам Силыч, вас по вертушке Ерофей Палыч спрашивает. (*Подает Наде воду.*)

Папа резво уходит. Все суетятся вокруг Межаева.

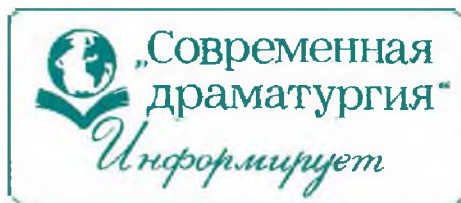
Князь (*Алле, негромко*). Каким тоном спросил?

Алла пожимает плечами.

Ох, девка, такие вещи ты должна сечь с лету, иначе не усидишь на своем стуле. Чернояк. Вот повезло: второй раз родился...

Нана (*тихо*). Неудачник... И даже здесь... Сорина. Дети мои! Если б вы знали, как я рада, как я рада. Давайте, давайте... Князь. ...жить дружно.

Занавес

«Чудная баба» — так называется сборник пьес молодого драматурга Нины Садур, подготовленный к изданию Главной редакцией театральной литературы Всесоюзного объединения «Союзтеатр» СТД СССР.

Первая публикация начинающего, «не маститого» автора — и сразу сборник — явление достаточно непривычное для нашей издательской практики, тем более когда речь идет о писателе столь своеобразном, как Садур.

Имя выпускницы Литературного института Нины Садур в кругу театралов известно довольно давно. Менее известны были ее пьесы, бывшие «на слуху», но познакомиться с ними можно было, только раздобыв машинописный экземпляр, самоотверженно (в сотый раз!) перепечатанный самим автором, чью драматургию в ту пору относили к произведениям, именуемым ругательным словом «чернуха».

Нина Садур пишет о жизни «частной», проблемах глубоко личных. Внешняя неприязнительность и простота повседневного бытия ее героев скрывает сложность и запутанность их внутреннего существования. Выражаясь высокопарно, автора волнуют взаимоотношения «маленького человека» с мирозданием. Средства для выражения своего замысла драматург использует яркие, контрастные. Точные жанровые зарисовки Садур обретают черты философской притчи. Мистика и реальность в ее пьесах переплетены столь тесно, что граница между ними практически неразличима. Фигуры условные органично «обрастают» живой тканью и плотью, а сугубо реалистические персонажи обретают фантастическую окраску. Грустное и смешное в пьесах Садур соседствует так же естественно, как сочетаются в них подробности быта и символика, документальная точность и гротеск...

Сборник составляют восемь пьес. Среди них уже известные, видевшие свет рампы, такие, как «Чудная баба», «Ехай», «Панночка» по мотивам гоголевского «Вия». Пьесы разные по жанру. Это и двуактная драма «Уличная ласточка», содержащая элементы психологического детектива, необычная даже для самого драматурга стихотворная «Сила волос» (на театре она вполне могла бы стать рок-оперой), несколько одноактных, названных самой Садур «пьесы-малютки».

К драматургии Садур в последнее время стали все чаще обращаться театры, как профессиональные, так и народные. Пробуют ставить этого автора студенты и дипломированные театральные училища. Сегодня Садур «идет» в Москве, Ленинграде, Вильнюсе, Кемерове и... Германской Демократической Республике.